
УДК 316.42

ЯКИМОВА Е.В.* ПАНДЕМИЯ COVID-19: ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО АНАЛИЗА В ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК. (Обзор). DOI: 10.31249/rsoc/2021.02.02

Аннотация. Статьи, рассматривающиеся в настоящем обзоре, представляют собой первые попытки социологов и психологов дать концептуальное объяснение последствий пандемии COVID-19 в масштабах человечества в целом и локальных сообществ, а также предложить практические рекомендации политикам и социальным активистам. Особое внимание уделяется следующим процессам: деглобализация, ослабление межнациональных связей, локдауны, углубление социального неравенства и дискриминации, вынужденное изменение поведенческих паттернов.

Ключевые слова: пандемия COVID-19; деглобализация; постковидная цивилизация; социальный кризис; социальные науки в эпоху пандемии; социология пандемии; эпидемиологические социопсихологические исследования; новая нормальность.

YAKIMOVA E.V. The COVID-19 pandemic: first attempts at interdisciplinary analysis in the discourse of social sciences. (Literature review).

Abstract. The articles considered in this review represent some first attempts by sociologists and psychologists to provide a conceptual explanation of the consequences of the COVID-19 pandemic for humanity as a whole and for local communities, as well as to offer practical recommendations to politicians and social activists. Particular atten-

* Якимова Екатерина Витальевна – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН. E-mail: e.yakimova2011@yandex.ru

tion is paid to the following processes: deglobalization, weakening of international ties, lockdowns, deepening social inequality and discrimination, forced change in behavioral patterns.

Keywords: COVID-19 pandemic; deglobalization; post-COVID civilization; social crisis; social sciences in the pandemic era; pandemic sociology; social psychological research in epidemiology; new normal.

Для цитирования: Якимова Е.В. Пандемия COVID-19: первые опыты междисциплинарного анализа в дискурсе социальных наук. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2021. – № 2. – С. 13–31.

DOI: 10.31249/rsoc/2021.02.02

В настоящем обзоре представлен ряд публикаций из ведущих международных социологических журналов, в которых рассматриваются социальные, психологические и гуманитарные последствия первых месяцев пандемии COVID-19. Статьи, вошедшие в обзор, были опубликованы в конце весны – начале лета 2020 г., когда их авторы (социологи, психологи, политологи, экологи, экономисты) располагали еще весьма скудным эмпирическим материалом и сомнительными статистическими данными для масштабных обобщений и убедительных прогнозов. Тем не менее ценность именно этих, первых, откликов социальных исследователей на опыт новой пандемии трудно переоценить, по крайней мере по двум причинам.

Во-первых, эти тексты, очень разные по своей информационной и эмоциональной насыщенности, по объему и числу авторов¹, показали, что социальные аналитики с первых недель пандемии COVID-19 смогли точно спрогнозировать вероятные глобальные изменения экологического и социально-политического порядка, так или иначе связанные с происходящим сегодня в мире. Они увидели в последствиях распространения нового коронавируса не только угрозу здоровью и жизни людей, но и грядущие гуманитарные проблемы для человечества в целом, точнее – для того цивилизационного формата, в котором оно существовало не одно десятилетие.

¹ Например, авторский коллектив одной из публикаций насчитывает 42 исследователя из разных стран мира [Using social and behavioral science ... , 2020].

Во-вторых, социально ориентированные исследователи разного профиля (включая нейробиологов и PR-менеджеров, организаторов национальных систем здравоохранения, политологов, активистов и лидеров протестных движений), которые сочли своим долгом откликнуться на события в первые недели и месяцы пандемии, когда нарастающая паника явно преобладала над взвешенным анализом, – все эти люди попытались извлечь максимальную пользу из теоретического и методологического арсенала социального знания двух последних столетий, противопоставив взвешенный анализ и возможные концептуальные аналогии из прошлого опыта человечества сценариям «фильмов ужасов». Поэтому в большинстве публикаций, включенных в данный обзор, можно обнаружить повторяющиеся или близкие ключевые темы, которые позиционируются как имеющие первостепенное значение в сложившейся цивилизационной ситуации, а также сходный набор эвристических приемов и методологических инструментов для обобщения эмпирического материала и разработки первых, весьма осторожных прогнозов относительно «постковидного» социального мира.

Кроме того, практически все авторы предлагают тот или иной набор гипотетических мероприятий социального и гуманитарного характера, которые, по их мнению, могут оказаться полезным подспорьем для решения чисто медицинских проблем во время пандемии. Другими словами, все они стремятся применить теоретически обоснованные подходы к осмыслению феномена «неожиданного социального кризиса», каковым считается текущая пандемия, а также методологический инструментарий наличного социального знания – в надежде приостановить хаос в массовом восприятии происходящего, нагнетаемый СМИ, и сосредоточить внимание коллег и общественности на вполне конкретных направлениях и темах для размышлений, прогнозов и действий.

Наиболее емко и предельно сжато эти направления и задачи перечислены в статье авторитетного социолога Жофрея Плейера (Католический университет Лувена, Бельгия), вице-президента Международной социологической ассоциации (ISA) и члена ряда ее комитетов, включая комитет по социальным движениям, коллективным действиям и социальным изменениям [Pleyers, 2020]. В короткой заметке, помещенной в журнале *Global dialogue*, Плей-

ер обращает внимание на тот факт, что наука убедительно показала, что шансы выздороветь от COVID-19 (по сравнению с возможностью им заболеть) далеко не равны в разных странах и даже в разных социальных сообществах развитых государств – по причине социального неравенства (экономического, классового, расового, гендерного, этнического, возрастного и т.п.), проявления которого прочно связаны с традиционными стереотипами человечества. По мнению Плейера, проблемы, вызванные пандемией – это не только обнаружившаяся несостоятельность организации здравоохранения в отдельных странах и угроза жизни и здоровью их граждан, но и очевидное проявление глубочайшего общественного кризиса, в преддверии которого оказалось человечество в III тысячелетии. Именно социальным исследователям предстоит убедить весь мир в том, что «пандемия COVID-19 – это не просто санитарный кризис, но также кризис социальный, экологический и политический» [Pleyers, 2020, p. 2].

Автор привлекает внимание коллег и общественности к тем социальным, экологическим и гуманитарным проявлениям текущей пандемии, которые чаще всего упускают из вида политики и медики, а также национальные правительства и главы ведущих мировых экономических корпораций. Во-первых, пандемия COVID-19 вызвала к жизни «усиливающийся тренд к деглобализации» [Pleyers, 2020, p. 2] и ослаблению межнациональных связей во всех областях жизни (начиная с культурных и спортивных мероприятий, научных конференций и форумов и заканчивая свертыванием обмена медицинской информацией и опытом борьбы с новой инфекцией). Как это ни парадоксально, с первых недель пандемии медицина приобретает все более замкнутый, «сугубо национальный характер» [ibid.]. Закрытие границ и введение локдауна оборачиваются национальной изоляцией государств, которые имеют разные уровни развития экономики, медицины и науки, несопоставимые условия жизни большинства граждан и, соответственно, неравные возможности для оказания эффективной помощи заболевшим. Тенденция к национальной изоляции, или, по выражению Плейера, «методологический национализм» [ibid.], затрудняет сбор информации и создание надежной статистики вне национальных границ. Автор считает происходящее тем более необъяснимым с точки зрения логики и здравого смысла, что панде-

мия COVID-19 уже в первые недели заявила о себе как о глобальном феномене, требующем как раз «усиления, а не ослабления межнациональных связей», более высокого градуса солидарности, эмпатии и взаимопомощи в мире [Pleyers, 2020, p. 2]. Сегодня, как никогда прежде, человечество нуждается в координации действий естествоиспытателей и медиков с одной стороны и социальных аналитиков и практиков – с другой. Не меньшей необходимостью является как можно более масштабное, повсеместное и доступное социально-медицинское просвещение во всем мире. «Для того чтобы приносить реальную пользу в период пандемии, мы обязаны активизировать глобальный диалог между социальными исследователями всех специализаций, причем такой диалог, который будет полностью погружен в нынешнюю реальность – локальную и глобальную, региональную и национальную» [ibid.]. Далее, продолжает Плейер, пандемия COVID-19 выявила сильные и слабые стороны национальных политических систем и степень доверия граждан своим национальным правительствам, которые предлагают или практикуют всевозможные непопулярные социальные меры (закрытие границ, локдаун, ограничение в передвижении и т.п.). С этой точки зрения COVID-19 стал лакмусовой бумажкой национальных социально-политических программ и показателем эффективности систем здравоохранения. Наконец, ситуация пандемии выявила первостепенную роль цифровых технологий – не только как рабочих инструментов, без которых была бы невозможна организация удаленной работы, но также в качестве нового способа выстраивания и поддержания социальных коммуникаций и связей. Пандемия и реальность социального дистанцирования в разных ее формах изменили характер, понимание и масштабы традиционных типов социальной солидарности, эмпатии, милосердия, а также значение межличностных отношений. «Социальное дистанцирование подвергает риску солидарность как таковую, ограничивая ее проявления самым близким кругом людей» [Pleyers, 2020, p. 3].

В заключение Плейер обсуждает сценарии развития «постковидной» ситуации в мире, не считая ни один из них приоритетнее или правдоподобнее другого. Так, пандемия COVID-19 – как опыт глобального кризиса – может предложить человечеству совершенно неожиданные траектории развития, по преимуществу гуманистического характера, где в центре внимания будут человек

и забота о нем, а многовековые социальные предрассудки минимизируются. Однако столь же вероятно, что победа будет не за гуманистическим, а за безлично-экономическим трендом развития цивилизации, который окончательно утвердит приоритет транснациональных корпораций и их интересов в ущерб здоровью и жизни отдельного человека и кардинально изменит существующие представления о социальной солидарности и личном милосердии. Таким образом, «текущая пандемия может вымостить путь к новой эре авторитаризма, где сугубо биополитические цели будут подкреплены новейшими цифровыми технологиями», пишет в заключение Ж. Плейер [Pleyers, 2020, p. 3].

Мартин Пикерсгилл (Эдинбургский университет, Великобритания) [Pickersgill, 2020] анализирует задачи социологии пандемии COVID-19, используя размышления и выводы социолога Филиппа Стронга, который 30 лет назад опубликовал резонансную статью о становлении «психологии эпидемии», или «эпидемической психологии» [Strong, 1990]. Стронг предложил свой вариант модели психологического знания для осмысления социальной ситуации, связанной с распространением ВИЧ (как социальной эпидемии второй половины XX столетия) и социальными представлениями о СПИДе. Как замечает Пикерсгилл, перечитывать сегодня статью Стронга – занятие крайне невеселое: настолько пророческими оказались предостережения и прогнозы автора. Пикерсгилл не склонен отождествлять или расценивать как аналогичные такие кризисные явления, как распространение СПИДа и пандемия COVID-19. Он просто считает рассуждения и выводы своего предшественника, касающиеся массового восприятия социальных катастроф глобального масштаба (каковыми, без сомнения, являются и СПИД, и COVID-19), полезными и действенными для социологии пандемии, разработка которой является актуальнейшей задачей социологов, живущих в «эпоху коронавируса».

Прежде всего бросается в глаза сходство таких аспектов социальной реакции на оба феномена (которые, без сомнения, относятся к разряду глобальных проблем человечества), как эскалация страха, множась день ото дня фейки, тревожные и малообоснованные пророчества и предсказания, которые сулят человечеству всемирную катастрофу. Самый очевидный признак современной пандемии, рассмотренной в терминах социальной науки, это

страх, который имеет и реальные, и фантастические основания и сопровождает каждый день «жизни с ковидом» (страх заразиться, заболеть и умереть, страх стать причиной смерти близких, страх за своих пожилых родителей и маленьких детей, страх стать жертвой обмана). Как и 30 лет назад, люди не готовы доверять официальным источникам и статистике, подозревая свои национальные правительства, чиновников и медийные лица в том, что они либо не владеют ситуацией, либо скрывают истинные масштабы и причины происходящего. Эскалация страха и дефицит социального доверия становятся питательной средой для распространения устрашающих сценариев развития событий и тотального изменения мира. Как писал в свое время Ф. Стронг, «для каждого, кто уверен в том, что его миссия – переделать этот мир, эпидемия оказывается прекрасным поводом для призывов к разрушению и деструкции» [цит. по: Pickersgill, 2020, p. 348]. Люди такого сорта, разъясняет мысль Стронга Пикерсгилл – ораторы и политики, фанатики и амбициозные лидеры, а также некоторые представители академической науки – «чувствуют, что пробил их час для “обращения” человечества с позиций моральной и эпистемологической истины в последней инстанции» [ibid.].

Обозначенные выше социально-психологические измерения современной пандемии, как и массовые реакции на «эпидемию СПИДа» прошлого века, сопровождаются «риторикой обвинений» и «экстазом морализаторства», продолжает Пикерсгилл. Пандемия COVID-19 еще не успела получить официального названия, как в СМИ (и в массовом сознании людей) зазвучали гневные обвинения – в адрес нерасторопной ВОЗ, не сумевшей предвидеть катастрофу; в адрес национальных правительств, оказавшихся не готовыми защитить от болезни своих граждан; в адрес самих несознательных граждан, нарушающих предписанные нормы гигиены и социального дистанцирования и т.п. Примечательно, пишет Пикерсгилл, вновь ссылаясь на статью Стронга, что панику и протест в равной мере вызывают как непопулярные, но необходимые действия национальных правительств (локдаун, закрытие границ, ограничение свободы передвижения), так и отказ государств от подобных мер в интересах транснациональных корпораций. Для большинства обывателей страх и паника усугубляются чувством

глубокого недоверия – к правительству, к экспертам, к практическим рекомендациям и к любым защитным мерам.

Очевидно, замечает автор настоящей статьи, что эти «нематериальные» (по выражению Стронга) составляющие атмосферы эпидемии / пандемии требуют глубокого социально-критического анализа – с тем, чтобы с помощью грамотной и убедительной пропаганды сдерживать массовую панику, неадекватные реакции людей и необдуманные действия власти. Однако, помимо социально-психологических аспектов происходящего, пандемия COVID-19 демонстрирует и вполне осязаемое, «материальное» измерение, о котором в 1990 г. не упоминал Стронг. Это «укоренившиеся формы социального неравенства, благодаря которым формируются и поддерживаются реальные паттерны заболеваемости и смертности, дистресса и гибели» [Pickersgill, 2020, p. 349]. Для тех, кто принадлежит к категории социально уязвимых (во всех смыслах), опыт COVID-19 не только является тяжким испытанием, но и усугубляет их незавидное положение в современном обществе. Дистанционная работа хороша для тех, кто в принципе имеет работу и возможность выполнять ее из дома, точно так же как призыв «оставаться дома» имеет смысл только для того, у кого есть крыша над головой.

В заключение М. Пикерсгилл подчеркивает, что наиболее актуальная задача социолога, обратившегося к теме пандемии, это изменение пандемийного дискурсивного ландшафта, так красочно обрисованного в свое время Ф. Стронгом и так настойчиво воспроизводящего себя в начале III тысячелетия. Сказанное не означает, что темы и аспекты, которые идентифицировал как перво-степенные автор модели эпидемической психологии (недоверие, страх, массовая паника, неадекватность реакций и публичных действий, искаженные социальные представления, связанные с источником опасности и его последствиями), следует оставить без внимания как само собой разумеющиеся и очевидные вещи. Задача социальной науки наших дней состоит в том, чтобы противопоставить потоку псевдонаучных клише и журналистских страшилок, гуляющих на просторах Интернета и мало отличающихся по своей тональности от освещения минувшей «эпидемии СПИДа», солидный академический формат обсуждения ситуации COVID-19 в терминах аргументированной «пандемической социологии».

Исчерпывающий обзор концепций и методов социальных и социопсихологических наук, которые могут стать подспорьем для формирования и необходимых изменений массовых поведенческих паттернов в связи с пандемией COVID-19, предлагает авторский коллектив, координатором которого является профессор психологии и нейробиологии Джей Ван Бавел (Нью-Йоркский университет, США) [Using social and behavioral science ... , 2020]. К обсуждению практических рекомендаций для социальных политиков, организаторов национальных систем здравоохранения, социальных аналитиков и журналистов Ван Бавел привлек более 40 человек, по преимуществу психологов разного профиля, а также специалистов в сфере нейробиологии и социальной нейронауки. Исследовательский коллектив представляет ведущие университеты США и Европы, а также Канады, Австралии, Бразилии и КНР. По итогам дискуссий авторы выделили пять тематических блоков и, соответственно, направлений социально-практической работы, существенных для формирования адекватной общественной реакции и массового социального восприятия феномена COVID-19 в разных странах и культурных регионах: 1) страх; 2) социальный контекст (социальные нормы, неравенство и дискриминация, культурный фон, традиции межличностного общения, политическая дифференциация и соперничество); 3) научная коммуникация и задачи социально-медицинского просвещения; 4) лидерство; 5) столкновение индивидуальных и коллективных интересов [ibid., p. 461].

В своей работе авторы использовали обширную литературу теоретического, методологического и прикладного характера (253 наименования в библиографическом списке), с тем, чтобы предложить те концептуальные и критические наработки социальных и поведенческих наук XX–XXI столетий, которые могут быть полезны в ситуации текущей пандемии, обозначенной в настоящей статье как «глобальный кризис, сопряженный с серьезной угрозой здоровью и благополучию человечества» [Using social and behavioral science ... , 2020, p. 460]. В те месяцы, когда готовилась эта публикация, было еще очень мало достоверной информации как о самом коронавирусе нового типа, так и о содержании социальных представлений, ассоциированных с COVID-19. Поэтому авторский коллектив использовал некоторые эмпирические иссле-

дования, касающиеся эпидемий прошлого и нынешнего столетий (птичий и свиной грипп, лихорадка Эбола, сезонные массовые вирусные заболевания и пр.), а также релевантные материалы лабораторных, экспериментальных и полевых исследований, касающихся таких феноменов и процессов, как паника и солидарность нового типа; формирование кризисных поведенческих паттернов; формы и стили эффективного лидерства и пропаганды новых социальных норм в пограничных ситуациях; эффективность научной коммуникации и ее роль в формировании общественного мнения и социальных суждений в кризисные моменты современной истории и в периоды стихийных бедствий.

Как подчеркивает во введении к статье Ван Бавел, «пока фармакология только нащупывает пути, чтобы победить COVID-19, социальные и поведенческие науки готовы предоставить ценные идеи для управления пандемией и смягчить последствия ее влияния на людей» в психологическом, социальном и повседневно-практическом плане. С этой точки зрения цель настоящей публикации состоит в том, чтобы предложить политикам, чиновникам, менеджерам и политическим активистам адекватные трактовки текущей ситуации и ряд практических рекомендаций и мер для того, чтобы более эффективно организовать повседневную жизнь людей в ситуации пандемии и дать им хотя бы изначальные научно-обоснованные ориентиры в океане сложнейших проблем медицинского, поведенческого и общественного характера, которые принес с собой COVID-19 [Using social and behavioral science ... , 2020, p. 460–461].

I. *Страх* заразиться новым коронавирусом, умереть самому или стать причиной гибели близких – это классическая эмоциональная реакция людей в периоды массовых эпидемий и пандемий, которая многократно описана в соответствующей литературе. Как показывают исследования, люди стремятся изменить свое поведение во избежание опасности только тогда, когда они видят реальную возможность эту опасность устранить; в противном случае (как сейчас) они по большей мере считают бессмысленным менять свои поведенческие привычки, образ жизни и стереотипы восприятия и суждений. В повседневной жизни люди склонны скорее игнорировать рекомендации экспертов, медиков, чиновников ВОЗ и их призывы к ужесточению гигиенических норм, сведе-

нию к минимуму повседневной коммуникации и соблюдению социальной дистанции, чем следовать им. На этом психологическом фоне автоматически запускается двухступенчатый механизм эмоциональных ответных реакций на опасность: 1) человек впитывает негативную информацию, тиражируемую в СМИ и в социальных сообществах, 2) эта информация усугубляет исходный страх, который в дальнейшем способствует восприятию преимущественно негативных и пугающих вариантов развития событий.

В сложившейся ситуации более полезными были бы публикации статистического характера, которые делают акцент не на числе заразившихся, госпитализированных и умерших, а на количестве тех, кому смогли помочь врачи или тех, кто перенес болезнь в легкой форме. Что же касается массовых проявлений паники (например, ажиотажного спроса на предметы первой необходимости, продукты, лекарства и средства индивидуальной защиты), то эффективной мерой ее сдерживания может стать знакомство широкой общественности с психологическими исследованиями переживаний и поведения людей в массовых пограничных ситуациях (экологические катастрофы, стихийные бедствия), которые описывают чувство «общей судьбы»: по отзывам очевидцев, именно это чувство заставляло их забывать о личной опасности и проявлять заботу о тех, кто был наиболее беспомощен и заранее обречен на гибель. Как показывает практика, эти механизмы, которые обычно именуется психологами формированием «солидарности нового типа» и «общей идентичностью в кризисной ситуации», оказываются более мощными факторами эмпатии и взаимопомощи, чем продиктованная инстинктом самосохранения борьба за личное выживание. Та же идея «общей судьбы» – на сей раз применительно к ближайшему окружению, согражданам и человечеству в целом – может послужить инструментом сдерживания паники во время пандемии, ослабления противостояния по типу «мы» и «они» и снижения остроты социальных предрассудков и предубеждений в отношении традиционно дискриминируемых социальных групп [Using social and behavioral science ... , 2020, p. 461–462].

II. *Социальный контекст* пандемии COVID-19 сохраняет и усугубляет все виды социоструктурного и экономического неравенства, которые делят граждан, сообщества, национальные госу-

дарства и культурные регионы на привилегированных и обездоленных. С учетом этого обстоятельства актуальной представляется международная помощь и солидарность в отношении тех социальных и национальных сообществ, которые сегодня демонстрируют высокий уровень массового инфицирования и летальных исходов. В настоящий момент препятствием к формированию новых типов глобальной солидарности и взаимопомощи служит рост разобщенности национальных государств, которые надеются «пересидеть пандемию за закрытыми дверями». Полезной также будет как можно более масштабная популяризация гуманитарной помощи, примеры которой уже имеют место, причем не только среди адресатов этой помощи, но и среди населения стран-благотворителей.

Поведенческие перемены в социальном контексте пандемии требуют более продуманной и адресной популяризации новых социальных норм, к которым значительная часть людей все еще относится скептически либо враждебно (начиная от мытья рук и ношения масок и заканчивая ограничением свободы передвижения по миру). Как свидетельствуют эмпирические исследования прошлых лет, более действенными оказываются не обобщенные призывы ко всем («оставайтесь дома!») и не отвлеченные рассуждения экспертов о первостепенном значении простейших гигиенических процедур, а демонстрация подчинения этим нормам известных людей, актеров, политиков, медийных персон и просто соседей. Особенно важно публичное одобрение непопулярных, но необходимых в момент пандемии мер со стороны значимых социальных сообществ и групп (например, соседей по дому, коллег по работе, сокурсников и т.п.). Важным условием соблюдения / нарушения новых правил социального общежития служат культурные особенности стран и регионов. Например, в «коллективистских» азиатских сообществах, где индивидуальные интересы исторически подчинены коллективным и где культивируется сдержанность эмоциональных проявлений, следование новым требованиям будет встречать меньше сопротивления, чем в западных странах с их культом индивидуальной свободы и привычкой обниматься или хотя бы обмениваться рукопожатием при встрече.

Отрицательным фоном для формирования адекватного социального контекста в условиях пандемии служат также политическая поляризация общества, противостояние и соперничество по-

литических партий и амбиции политических лидеров. В настоящее время налицо тенденция использовать любую информацию, касающуюся коронавируса, как мощное оружие против политических оппонентов, которые предприняли либо, напротив, проигнорировали те или иные меры социального и медицинского характера. И хотя это состязание политиков вряд ли можно приостановить даже на короткое время, идея «общей судьбы» и «единой идентичности», которая связывает воедино всех людей как потенциальных жертв COVID-19, может свести к минимуму циркуляцию заведомо ложной информации, которая будоражит общественное мнение и усугубляет и без того искаженные социальные представления о реальности [Using social and behavioral science ... , 2020, p. 462–464].

III. *Научная коммуникация* и оперативное знакомство широкой публики с самыми последними исследованиями, их результатами и практическими прогнозами на ближайшее будущее служат едва ли не самым мощным оружием против распространения конспирологических теорий и фантастических толкований причин и последствий пандемии COVID-19. Вред конспирологических объяснений в сложившейся ситуации трудно преувеличить, так как подобные заведомо ложные и чаще всего пугающие сценарии развития событий, связанных с коронавирусом, не только понижают и так невысокий градус морально-психологического состояния современного общества, но и содействуют активизации самых диких предрассудков и дискриминационных действий именно в то время, когда человечество нуждается в новых формах эмпатии и солидарности. Поэтому регулярные публикации мнений авторитетных ученых, ориентированные на массовую аудиторию, приобретают сейчас первостепенное значение, равно как и международный обмен информацией социального, естественно-научного и медицинского характера. Тщательная проверка фактов и их компетентный анализ – это единственный путь оспорить фейки и фантазии конспирологов. Существенную роль при этом приобретают личностные характеристики эксперта, его авторитет в соответствующей научной среде, среди коллег и сограждан; чем ближе и понятнее он аудитории («он – один из нас», «он всегда отвечает за свои слова»), тем больше доверия будут вызывать сообщенные им сведе-

ния и рекомендации [Using social and behavioral science ... , 2020, p. 464–465].

IV. *Лидерство* в наиболее эффективной его форме также требует в наши дни особой гибкости и близости к аудитории, а также готовности поддержать предложенные непопулярные ограничения личным примером (но ни в коем случае не угрозой санкций). Сегодня эффективный лидер – это тот, кто разделяет идею «общей судьбы» и «единой идентичности», кто ратует за практическую взаимопомощь и солидарность (как внутри сообществ и государств, так и за пределами ингрупп и национальных границ). Особенно важно в момент пандемии не заострять внимания сограждан на национальной исключительности и преимуществах (в экономике, количестве мест в госпиталях для инфицированных и пр.), но, напротив, демонстрировать связь своей страны и народа, своего социального сообщества и национального меньшинства с судьбой человечества в целом [Using social and behavioral science ... , 2020, p. 465–466].

V. *Индивидуальные и общественные интересы* в условиях нынешнего социально-медицинского кризиса, каковым является пандемия COVID-19, требуют особого внимания как источник социальных и межличностных противоречий и аутгрупповых предубеждений. И в этом случае идея «единой идентичности» должна также стать лейтмотивом всех мероприятий и разъяснений, нацеленных на сглаживание противостояния личных и общественных приоритетов и потребностей, таких как безопасность и здоровье. Меры такого рода будут способствовать снижению уровня социального стресса и паники. На первый план в этом случае выступает активизация ингрупповых связей, даже в условиях вынужденного дистанцирования и работы в онлайн-режиме. Ощущение принадлежности к группе сглаживает психологическое чувство одиночества и заброшенности, даже в тех случаях, когда человек «одинок по жизни». Новая социально-психологическая нагрузка ложится и на социальные сети, так как заочное общение с малознакомыми людьми, а тем более с друзьями, служит выхлопным клапаном, который позволяет выпустить наружу внутренние страхи и отчаяние. Рассказы тех, кто справился с болезнью или пережил смерть близких, позволяет аудитории подвергнуть реинтерпретации свои абстрактные суждения и представления о проис-

ходящем, пересмотреть свои жизненные приоритеты и ощутить самоценность жизни как таковой [Using social and behavioral science ... , 2020, p. 465–467].

В заключение авторы напоминают современникам те выводы ученых и практиков, которые прозвучали 100 лет назад, когда закончилась пандемия «испанки»: а) люди чаще всего не воспринимают всерьез те риски, с которыми они сталкиваются в повседневной жизни; б) жесткая изоляция и самоизоляция – это действия, которые противоречат самой человеческой природе в качестве способа защитить других от общей опасности; в) люди по большей части сами создают угрозы своему здоровью и жизни, даже не осознавая этого [Soper, 1919]. Пандемия COVID-19 в полной мере подтверждает справедливость этих наблюдений, во всяком случае на нынешнем, начальном ее этапе. Суммируя сказанное, пишет Ван Бавел, можно утверждать, что первостепенное значение приобретает сегодня идея «единой идентичности» и «общей судьбы», которая в руках умелых политиков, ученых-естествоиспытателей, медиков и психологов будет не менее надежным щитом перед лицом паники и социального разобщения, чем работа инфекционистов и фармацевтов над новой всеобщей вакциной [Using social and behavioral science ... , 2020, p. 462].

Ключевые направления для работы социологов в период пандемии COVID-19, о которых выше говорили практически все авторы статей, включенных в настоящий обзор, подытожил в своей заметке Пол Уорд (Университет Флиндерса, г. Аделаида, Австралия). Уорд сосредоточил внимание на необходимости применения и теоретического развития понятий и концепций ведущих социологов XX–XXI вв., которые удалось переосмыслить именно в ситуации массового социально-медицинского кризиса наших дней [Ward, 2020]. Автор намерен предложить свое видение в терминах социологии тех последствий, которые несут с собой вынужденные запретительные и ограничительные меры в большинстве стран мира. С учетом поставленной задачи он выделяет несколько социальных явлений и процессов, которые составляют повестку дня социальных исследователей в первые месяцы распространения коронавируса: риск, доверие, страх, неизвестность, счастье. Адекватными инструментами социологической концептуализации происходящего автор считает понятия симулякра, глобализации / гло-

кализации, текучей модерности, индивидуализации, структуры / агентности, стигмы и потенциального ослабления социальных связей.

Таким образом, Уорд использует в своей статье теории и понятия едва ли не всех ведущих социологов современности (У. Бек, Н. Луман, Э. Гидденс, З. Бауман, Ж. Бодрийяр и др.). Однако его «займствования» не совсем обычны для академической работы. Взяв на вооружение идею Сартра о том, что существование предшествует сущности, и дополнив ее художественной практикой Пикассо (который писал свои картины до того момента, пока сам не считал их законченными), Пол Уорд предлагает собственную «рисованную антиутопию» на тему современной пандемии. Опишем ее.

На цветной картинке схематично обозначены части света и континенты, выделены места наибольшей концентрации коронавируса в первые месяцы пандемии, а на свободном пространстве разбросаны в хаотичном порядке цитаты классиков социологического знания, которые в каждом случае дополнены подходящим к случаю фрагментом поп-культуры (название модной книги, строка из популярной песни и т.п.). Автор подчеркивает, что не только вторая часть «литературной иллюстрации», но и первая, концептуальная, достаточно хорошо известны широкой аудитории и потому его «картинка» теоретического освоения COVID-19 будет понятна за пределами узкого круга профессиональных социологов. И хотя, как подчеркивает сам автор, предложенный формат изложения не соответствует академической традиции и, кроме того, рисовать он не умеет, Уорд все же счел возможным передать в этих цитатах-высказываниях суть происходящего с людьми и сообществами [Ward, 2020, p. 727].

Авторские комментарии к социологической иллюстрации пандемии COVID-19, по его словам, можно рассматривать в любом порядке, однако далее они будут схематично изложены именно в той последовательности, которую избрал он сам.

I. «Могильщики капитализма... Кошелек или жизнь (health vs wealth)» – в данном случае речь идет об уже неоднократно упоминавшемся падении уровня социального доверия людей к своим национальным правительствам, не всегда демонстрирующим однозначный выбор в пользу безопасности и здоровья граждан, мо-

тивируя это вероятностью экономического ущерба от ограничительных мер, который будет иметь более тяжелые социальные последствия, чем рост числа заболевших [Ward, 2020, p. 728].

II. «Общество риска... “Паника на улицах Лондона, паника на улицах Бирмингема”» («Panic», хит группы «The Smiths» 1986 г.): акцент сделан на неустойчивости и непредсказуемости как базовых характеристиках общества позднего модерна; для социолога, готового к осмыслению общества риска в его новых проявлениях, ситуация пандемии и паники предоставляет поистине неисчерпаемые возможности, в контексте которых можно обнаружить проступающие контуры «новой нормальности», следующие за нынешней практикой социальных и личностных ограничений [Ward, 2020, p. 729].

III. «Индивидуализация – смерть общества... “Другой” как воплощение риска»: этот набор констатаций отражает реальность социального дистанцирования и отчуждения людей друг от друга в условиях паники и страха, притом что человечество сегодня, как никогда прежде, нуждается в новых формах солидарности и взаимопомощи. В какой степени требование «соблюдать дистанцию» может послужить толчком к тотальному восприятию аутгрупп и стигматизированных сообществ в качестве «опасности» и насколько эти социальные практики усилят социальную дискриминацию – это темы, над которыми следует задуматься социальным аналитикам наших дней [Ward, 2020, p. 730].

IV. «Симулякр и новая нормальность... “Эй, Сири, когда же этому придет конец?”» – эти высказывания имеют отношение к распространению фейков и заведомо ложной информации в СМИ и на просторах Интернета, что повышает градус социальной растерянности и препятствует объективной оценке реальных рисков в момент пандемии. Здесь могут быть полезны такие современные исследовательские подходы, как нетнография¹ и цифровая социология [Ward, 2020, p. 730].

V. «Текущий страх повсеместен... “Где же карта? Мы заблудились”»: как показали Гидденс и Бауман, культура постмодерна – это культура беспокойства и неопределенности, ареной которых

¹ Нетнография – подход, основанный на сборе и анализе информации, представленной в социальных сетях.

сейчас является COVID-19. Учитывая «невидимость и неосязаемость» коронавируса, концепция текущего страха не только вполне релевантна ситуации, но и требует дальнейшей разработки применительно к разным сегментам и различающимся реакциям социальных и национальных сообществ на риск и опасность заражения [Ward, 2020, p. 731].

VI. «Новый мировой порядок... “Всё хреново”» (бестселлер Марка Мэнсона¹): ключевым в данном случае является вопрос о том, каковы возможные перспективы существования человечества, которому предстоит жить «с опытом пандемии»; станет ли оно более открытым, готовым к эмпатии и взаимопомощи, сможет ли вновь испытывать надежду и радость, проявлять доверие и доброту – короче, сможет ли человечество вновь стать счастливым [Ward, 2020, p. 731]?

В заключение автор настаивает на самой тесной координации исследовательских усилий социальных аналитиков во всем мире для того, «чтобы быть лучше подготовленными к возможным повторениям сегодняшней пандемии в будущем» и узнать то новое о человеческих взаимоотношениях и сообществах, что демонстрирует нам нынешний глобальный кризис» [Ward, 2020, p. 732].

Завершая обзор социологических откликов на социально-психологические последствия пандемии COVID-19, появившихся на страницах специализированных журналов весной-летом 2020 г., нам кажется важным обратить внимание на ряд объединяющих проанализированные материалы идей. Во-первых, в теоретическом плане авторы прибегают к уже известным концепциям и понятиям социологического знания, не выдвигая новых вариантов концептуализации феноменов и процессов, проявившихся в начальный период пандемии. Во-вторых, в плане практических рекомендаций преобладают тема солидарности нового типа и популяризации идеи «общей судьбы». В-третьих, в эмоциональном плане авторы демонстрируют стремление переломить негативную социально-психологическую атмосферу массового восприятия COVID-19 и

¹ Марк Мэнсон – американский блогер и консультант по вопросам личностного развития, автор работ, посвященных борьбе со стрессом и саморазвитию. Его книга «Всё хреново: книга о надежде» переведена на русский язык. См.: Мэнсон М. Всё хреново : книга о надежде / пер. К. Артамоновой. – М. : Альпина Паблишер, 2019.

освещения темы в СМИ, однако призывы к оптимистическому видению реальности в этот период не подкрепляются фактами и потому не выглядят убедительными.

Список литературы

Pickersgill M. Pandemic sociology // Engaging science, technology a. society. – 2020. – Vol. 6. – P. 347–350.

Pleyers G. Global sociology in the pandemic // Global dialogue: magazine of the International sociological association. – 2020. – Vol. 10, N 2. – P. 1–3.

Soper G.A. The lessons of the pandemic // Science. – 1919. – Vol. 49, N 1274. – P. 501–506.

Strong Ph. Epidemic psychology : a model // Sociology of health a. illness. – 1990. – Vol. 12, N 3. – P. 249–259.

Using social and behavioral science to support COVID-19 pandemic response / Van Bavel J.J., Baicker K., Boggio P.S., Capraro V., Cichocka A., Cikara M., Crockett M.J., Crum A.J., Douglas K.M., Druckman J.N., Drury J., Dube O., Ellemers N., Finkel E.J., Fowler J.H., Gelfand M., Han Shihui, Haslam S.A., Jetten J., Kitayama Sh., Mobbs D., Napper L.E., Packer D.J., Pennycook G., Peters E., Petty R.E., Rand D.G., Reicher S.D., Schnall S., Shariff A., Skitka L.J., Smith S.S., Sunstein C.R., Tabri N., Tucker J.A., van der Linden S., van Lange P., Weeden K.A., Wohl M.J.A., Zaki J., Zion S.R., Willer R. // Nature: human behaviour. – 2020. – Vol. 4, May. – P. 460–471.

Ward P.R. A sociology of COVID-19 pandemic : a commentary and research agenda for sociologists // J. of sociology. – 2020. – Vol. 56, N 4. – P. 726–735.